

ТЕМА КАЛМЫЦКО-КАВКАЗСКИХ СВЯЗЕЙ В ЛИРИКЕ ДЖАНГРА НАСУНОВА

Р.М. Ханинова

Тема калмыцко-кавказских отношений представляет особый интерес в связи с ее малоизученностью, в частности, в аспекте культуры. Так, в материалах международной научной конференции 2001 г. в Элисте «Калмыки и их соседи в составе Российского государства» статьи А.Д. Магомедова и Ф.А. Муратчаевой адресованы диалогу национальных культур Дагестана и Калмыкии [3, с. 102-108; с. 203-208], статья Х.М. Халилова «Калмыцко-дагестанские фольклорные связи» посвящена сравнительно-типологическому анализу сказок [11: 277-281].

Известно не очень много легенд на тему калмыцко-кавказских связей. Часть из них представлена Д.Э. Басаевым в книге «Семь звезд» (2004) – «Битва с черкесами», «Луузанг-Шуна», «Девять калмыцких знамен» [10: 137-138; 138-139; 158-160], в публикациях А.Г. Санджиева (2007) [9: 13].

В нашем стихотворении «Запах полыни» отражена одноименная чеченская легенда о сыне калмыцкого хана, вернувшемся из Ичкерии в родные степи благодаря пучку полыни, присланном отцом [12: 6]. Есть и калмыцкая легенда на ту же тему. Отзвук ее в признании Джангра Насунова (1942-1979): «В чужих краях подчас я сам не свой, / Дряблеет кожа, старюсь на чужбине, / И рвусь я в степь, где сладок летний зной, / Настоянный на запахе полыни» [7: 26]. В другом его стихотворении, перекликающемся со стихотворением Сергея Есенина «Гой ты, Русь моя родная...» (1914), в диалоге («В раю, мой друг, одни сады» [7: 27]) выясняется авторская позиция: тогда не нужен рай («Вот в том и райская беда – / Песок бы и полынь туда. / Без них зачехну я в раю, / Назло богам в раю запью»), согласен в противном случае на ад: «Коль есть там степь, полынь моя, / То в ад идти согласен я» [7: 27].

Тема калмыцко-кавказских связей отзывается танцевальным ритмом в стихотворении поэта «Гости с Кавказа» [5: 28-29], во второй редакции под названием «Лезгинка» [7, с. 36]. Названия музыкальных инструментов (бубен, зурна) и танца (лезгинка) коррелируют с антропонимом (Азамат), топонимом (Дагестан), с фауной гор (серна) в раннем тексте; в позднем тексте уточнен маркер Северного Кавказа, теперь вместо «Зурна смеялась, как грузинка» [5: 28] – «Зурна смеялась, как даргинка» [7: 36]. Ландшафт соседней земли манифестирован водопадом, зеленью чащоб, горным эхом. «О, эта горская лезгинка! / О, этот взгляд и этот пыл! / Плясал посланец Дагестана, / И на глазах помолодев, / Качались древние курганы, / От горских танцев захмелев...» [7: 36].

Два произведения Джангра Насунова – «Рандул и Галдан», «Ханский подарок» – отсылают к историческим именам калмыцкого и кавказского народов.

Говоря об исторической памяти в лирике Джангра Насунова, поэт Станислав Золотцев верно отмечает, что тот «не мог не знать, не помнить о том, какой исторический путь пройден его народом, веками стремящимся к своей “Бумбе” – стране счастья и возрождения, воспетой в калмыцком эпосе. Ведь века и просторы Азии оставили от племени, некогда насчитывавшего несколько миллионов, лишь несколько сотен тысяч. И Насунов откровенно, с обнажающе-суровой жесткостью писал об истории калмыков, о причинах и свойствах их натуры, которые вели его соплеменников к бедствиям, к резне, к вымиранию и пагубе» [2: 58].

По словам рецензента посмертной книги Д. Насунова «Тамариск» (1982), «трудно читать без волнения